

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «КАРАНТИН» В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОРЕ

Т.П. Павлюк, З.А. Дубинец

Ключевые слова: интернет-фольклор, карантин, концептуальный признак, концепт, субконцепт.

Keywords: Internet folklore, quarantine, conceptual feature, concept, sub-concept.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-12

В современных филологических исследованиях прослеживается рост интереса лингвистов и литературоведов к произведениям фольклора. Термин «фольклор» введен в научный обиход ученым и археологом Вильямом Томсом в 1846 году и в переводе с английского означает «народная мудрость» [Кормильцева, 2011, с. 177]. Активное изучение фольклора в России началось во второй половине XIX века и связано с именами А. Афанасьева, Ф. Буслаева, П. Киреевского, В. Миллера. В советской науке фольклор стал объектом внимания М. Азадовского, Н. Андреева, Ю. Соколова, О. Фрейденберг и др. Была исследована роль русского фольклора в литературно-общественной борьбе разных лет (М. Азадовский), проблема фольклоризма писателей (Н. Андреев), детально проанализирована теория античного фольклора, выявлено соотношение образа и понятия в античных мифах (О. Фрейденберг). Весомый вклад в исследование русской фольклористики внесли представители формальной школы в литературоведении: А. Астахова, П. Богатырев, В. Жирмунский, В. Пропп, Б. Соколов, В. Шкловский.

В работах современных авторов (В. Аникин, А. Архипова, С. Неклюдов, Н. Петрова, Д. Радченко, В. Черванева и др.) фольклорный текст рассматривается как реакция на событие, дающая представление о восприятии людьми происходящего. Важность знаний фольклора для изучения народной психологии отмечал Л. Толстой: «Изучение фольклора может дать человеку знание о русском народе, и в конечном итоге о самом себе» [Толстой, 1984], подтверждение этому мы находим и сегодня. Однако если поначалу под фольклором понимали устное народное творчество, возникшее еще в дописьменный период (О. Кормильцева), то сегодня основным источ-

ником фольклора является письменная коммуникация различных национальных (англо-, русско-, испаноговорящих и др.) сегментов интернета.

Следует отметить, что Интернет, с одной стороны, — вторичный носитель фольклорного текста (сайты, на которых размещены без изменений произведения фольклора), а с другой, — активный создатель (форумы, социальные сети и блоги). Пользователи социальных сетей в ответ на любое резонансное социально-политическое событие в стране и мире продуцируют фольклорные тексты (чаще всего юмористического характера), которые отображают нашу реакцию на действия власти (А. Архипова, Д. Радченко) и, по мнению Джеймса Скотта, являются одним из проявлений «оружия слабых».

Среди многообразия терминов (постфольклор, медиалор, ньюслор, техлор, фолькнет, нетлор, интернет-фольклор, фольклор в Интернете, е-фольклор, экранный фольклор и др.) наиболее предпочтительным, на наш взгляд, является «интернет-фольклор», поскольку именно он указывает на главное свойство явления: возможность существования только в сети Интернет. В качестве синонима считаем возможным использовать термин, разграничивающий традиционное и современное понятие народного творчества, — актуальный фольклор, который также отображает соответствующий моменту (т.е. находящийся на пике обсуждения) акт народного словотворчества.

Мы понимаем интернет-фольклор как инструмент, с помощью которого говорящий опосредованно описывает некое социально-политическое событие и выражает свое мнение, участвуя в «цепочке» передачи фольклорного текста [Архипова, 2016, с. 39], как «средство межкультурной коммуникации, сохранения культурной преемственности и традиции в условиях глобализации» [Савченко, 2012]. При создании произведения интернет-фольклора прослеживается диалогичность текстообразования, то есть совмещение актов производства и интерпретации, на которую указывал М. Бахтин: «...всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает (хотя бы на ответное понимание) [Бахтин, 1997, с. 255].

Лингвосемиотический анализ сетевого фольклора, особенности современного фольклорного дискурса представлены в публикациях А. Колистратовой [Колистратова, 2012, с. 135], интернет-фольклор как одна из форм современной коммуникации стал предметом исследования Т. Сусловой [Сулова, 2015], жанрово-видовую дифференциацию языкового творчества в Интернете и Рунете проанализировала О. Мельникова [Мельникова, 2018], новым исследовани-

ям современного словесного искусства посвящена работа А. Бушуева [Бушуев, 2018, с. 90].

Мы согласны с Т.И. Сусловой в том, что интернет-культура в фольклорных формах предстает как одна из ярчайших субкультур современности, которая синтезирует все варианты развития современной культуры [Суслова, 2015], а потому наше внимание привлек феномен концептуализации самого актуального понятия 2020 года — «карантин», который реализован средствами интернет-фольклора. По мнению М.Л. Ковшовой, фольклор в данном контексте берет на себя «роль посланца эпох, является напоминанием об истоках культурного знания носителей языка» [Ковшова, 2006, с. 12]. Кризисная эпоха первой половины 2020 года не могла не отобразиться в словесном творчестве наших современников: на просторах всемирной сети ей посвящены тексты разных жанров и стилей.

Цель исследования — осветить особенности концептуализации понятия «карантин» и сопутствующих концептов в современных жанрах интернет-фольклора: мемах, анекдотах, байках, пирожках («перашках») и т.д.

Анализ материала производился с использованием приемов семантико-когнитивного анализа, а также приема количественного подсчета для представления статистических данных.

Материалом для статьи послужила картотека из 150 единиц, собранных методом сплошной выборки из социальных сетей Facebook и Twitter русскоязычного сегмента интернета за период с марта по май 2020 года. Показательно, что предметом юмористического фольклора стал именно карантин, а не коронавирус, то есть следствие, а не причина. Масштабы и драматичность эпидемии, вероятно, не позволяли авторам текстов шутить о своего рода табуированном явлении.

Понятие карантина присутствовало в когнитивной картине мира современного человека на отвлеченно-абстрактном уровне. Справочно-информационный портал Грамота.ру дает следующее определение карантину: Карантин, -а; м. [франц. quarantaine] 1. Временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с ними, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний. *Наложить к. Выдержать к. Срок карантина.* 2. Санитарный пункт для осмотра лиц, судов, товаров, прибывающих из местности, охваченной эпидемией. Карантинный, -ая, -ое. *К. срок. К. пункт. К. врач* [Большой толковый словарь, URL]. Последние же события мирового масштаба актуализировали данный концепт и наделили его рядом классификационных когнитивных признаков, которые мы решили исследовать на материале юмористического фольклора социальных сетей.

Следует отметить, что анализируемые тексты создавались авторами двух типов: теми, кто работал на развлекательных порталах, и теми, кто просто рефлексировал над происходящими событиями, находясь на самоизоляции. Ввиду того, что не представляется возможным разграничить эти две категории текстов, мы применяли к ним одинаковые методы семантико-когнитивного анализа; укажем лишь, что индивидуальный интернет-фольклор отличается от рабочего непринужденностью мысли и меньшим объемом текстов.

В результате анализа собранного материала были выделены 24 категории, которые вошли в ассоциативное поле исследуемого концепта: это пародия на кино, анекдоты, устойчивые выражения; объявления, реклама; домашнее обучение; быть дома; вопросы на форуме, советы; алкоголь; устойчивые фразы, эвфемизмы, афоризмы; ретроспективная пародия на реалии советского прошлого; шутки, мемы; страх смерти; обогащение на беде; планирование праздников; подпольная работа; брачные знакомства; всевидение политиков; поход в магазин; лозунги; туризм; лингвистические шутки; одежда; приметы; новые социальные и экономические реалии; спорт; самоизоляция. Отметим, что в одну категорию объединялись тексты, которые тематически связаны. Именно поэтому одни категории обозначают объекты первичной материальной системы (предметы и опредмеченные действия — одежда, алкоголь, поход в магазин), другие — вторичной (т.е. языковые — шутки, вопросы на форуме, лозунги и т.д.)

Рассмотрим две самые продуктивные группы.

Одной из наиболее конструктивных для концептуализации «карантина» стала категория «быть дома» (15%). Она представляет собой рефлексию человека над смещением акцентов в его распорядке дня, поскольку большую часть времени люди вынуждено проводили дома. В ядро данной группы входят такие лексемы как «спать», «сегодня», «выходной», «есть», «дом», например: *Я уже два раза спала и шесть раз ела, а это все еще сегодня; Сегодня уникальное событие: выходной день на выходной неделе во время выходного месяца.* С одной стороны, авторы стали замечать, как медленно проходит время, когда ты не занят работой, а также получать ответы на существовавшие ранее вопросы об обиходе своих домоладцев. Находясь на карантине, люди пытаются организовать свое время с максимальной пользой. Для этого они занимаются саморазвитием и целеполаганием, которые, однако, оказываются неэффективными: *Моей целью на карантин было похудеть на 10 кг. Осталось 15... Или: Самоизоляция дана для того, чтобы ты понял: никакое свободное время на чтение книг, спорт и развитие тебе не нужно, и ты просто ленивая ж**а!*

Избыток времени привел к тому, что люди стали шутить о несерьезном времяпрепровождении, как в примере: *Оказывается, 1 кг риса это 3 479 453 рисинки. Завтра про сахар расскажу; Третья неделя изоляции: побеседовал с науком. Нормальный мужик! Работает в сети системным администратором*; а также о нарочито серьезных занятиях: *На десятый день карантина моя собака сказала мне, что никогда не считала Ницше серьезным философом*. Таким образом, авторы комических текстов утверждают: во время изоляции у человека нарушается психологическое равновесие, что приводит к несвойственным для него занятиям (пересчету крупы) и стремлению общаться о жизни и философских категориях даже с домашними питомцами.

Одним из главных концептуальных признаков карантина выступает повышенное употребление пищи. Заслуживает внимания пример языковой игры, когда в пределах одного устойчивого словосочетания (в музыке: *тональность до мажор*) срачиваются два разных слова и графически выделяется новый композит: *Открытие в теории музыки: новая тональность 21 века — ДомаЖор*.

Указанный дериват строится на основе параллелизма, предполагающего одновременную актуализацию в сознании адресата «старой» и «новой» языковых единиц. По мнению исследователей языковой игры (Н. Болотнова, Т. Булыгина, Т. Гридина, В. Санников, И. Цикушева и др.), восприятие значения реинтерпретированного слова происходит на фоне его собственного узуального значения, что приводит к установлению в сознании носителя языка разнообразных связей между этими значениями.

Также тема еды обыграна в жанре «перашков», в котором создано небольшое количество текстов, например:

*Сама с собой сижу в квартире
Вино и пачка сигарет
И больше ничего не надо
И нет.*

В данном примере концептуальным признаком выступает показная аскетичность самоизолированного субъекта при отсутствии пищи.

Еще одной продуктивным мотивом карантинного фольклора являются отношения в браке с концептуализацией признака неверности обоих супругов. Так, в примере *Кампания «Муж дома. Не пиши» продлена еще на месяц* прослеживается ироничное отношение к непостоянству женской натуры, а во фразе *А ведь многим мужикам теперь приходится заниматься сексом со своими женами* — к мужской неверности.

Также признаком карантина в анализируемой категории является нагнетание негативной информации, которая становится причиной со-

вершения нелогичных, на первый взгляд, поступков пользователями соцсетей: *Каждый вечер после просмотра новостей я обязательно включаю фильм ужасов, чтобы хоть как-то успокоиться*. Заметим, что мнения по поводу реакции организма на фильмы ужасов разнятся. Одни считают, что их просмотр не способствует успокоению, а напротив — вредит нашей психике. Другие — что это средство борьбы с депрессией, стрессом и страхом. Во время самоизоляции в жизни человека мало интересных событий и интенсивных переживаний, поэтому он ощущает эмоциональный вакуум и начинает искать способы его заполнения. В приведённом нами контексте акцентируется внимание на том, что в период карантина именно чувство страха культивируется СМИ на предельном уровне и порождает социальную тревожность. Фильм ужасов помогает переключиться, ведь там, в отличие от реальности, ситуация под контролем.

Панический страх заразиться новым вирусом обыгрывается в следующих комических ситуациях: *Мариную мясо. Нанюхалась черного перца. Чихаю раз за разом. Слышу соседи в подъезде мою дверь досками забивать начали; Проснулся ночью от того, что жена чихнула. Вся жизнь пролетела перед глазами*. Чрезмерная наблюдательность и подозрительность стали неотъемлемой частью жизни на карантине.

Также в категории «быть дома» присутствует тема домашних животных, ставших участниками и свидетелями вынужденного заточения людей. Авторы текстов испытывают эмпатию к своим питомцам и часто даже говорят от их имени, например: *Побыв несколько дней дома, я понял почему мой кот постоянно просит жрать! Или: Я: 2 недели сижу дома. Мой пес (картинка пса): Теперь ты понимаешь, почему я грызу мебель?* В рассмотренных примерах концептуализируется признак чрезмерного питания и скуки.

Следующая по численности категория, выделенная на основе жанрового оформления текстов — «вопросы, советы на форуме» (13,3 %). Сюда относятся тексты, в которых пользователи будто обращаются друг к другу и либо имитируют публичное обращение к представителям власти, например: *Решил порадовать себя после карантина и отметить окончание самоизоляции. Xbox или PlayStation, что посоветуете?* В данном примере — ирония по поводу того, что люди приспособились к длительной принудительной изоляции и в дальнейшем свое время планируют проводить подобным образом — за игровыми приставками. В обращении *Уважаемые создатели коронавируса! Огромная просьба с ближайшим обновлением убрать признак по возрасту и добавить признак по IQ. Спасибо!* слышится сарказм: пользователи воспринимают эпидемию как версию нового телефона или приложения, которая будет воспроизводить

ся неоднократно, осознают ее искусственность и предлагают создателям «доработать» несовершенства.

Желание побыть где-нибудь, кроме дома, приводит пользователей к поиску оправдательных объяснений, как в примере *Могу ли я самоизолироваться в машине, если потерял ключ от квартиры?* Также в данной группе актуальным является обсуждение массовой закупки товаров и продуктов в магазинах: *У меня еще соль с конца света не закончилась!* (12.12.2012). Приведенный контекст отсылает нас к подобного рода событию, связанному с концом света, когда люди аналогично скупали все подряд и в больших количествах.

Концептуальный признак страха смерти реализован в примере *Совет от электрика Сережи: лучше быть изолированным, чем заземленным*. Комический эффект достигается игрой слов «изолированный провод» / «изолированный человек» и «заземленный» в окказиональном смысле «умерший», а не «безопасный, соединенный с землей». Данный контекст опосредованно выражает недовольство граждан принудительной изоляцией.

В следующем примере: *Ребята, кто кем хочет стать после карантина?* концептуализируется идея слишком долгого выполнения социальных требований (по аналогии со школой), которое обуславливает переосмысление человеком своего места в жизни и как результат — желание сменить привычную работу. Отсутствие живого общения и непосредственного контактирования побудили многих заняться самосовершенствованием, а это, в свою очередь, открыло перспективы альтернативного трудоустройства и самореализации личности. Субституция в приведенном вопросе слова «школа» на «карантин» придает иронический оттенок высказыванию, намекая на продолжительность данного явления, и латентно воспринимается как вызов — читающие осознают, что кто-то эффективно проводит освободившееся от работы время и увеличивает свою конкурентоспособность на рынке труда.

В разных тематических группах на Facebook довольно активно обсуждается то, какими мероприятиями закончится карантин — вечеринкой, праздником, обрядом. В одном из текстов видим готовность людей закончить затянувшийся процесс изоляции и воссоединиться с другими людьми в праздничном общении: *В средневековье победу над чумой отмечали оргиями. Никто не знает — что-то уже планируется?* В другом примере: *27 марта — день святого Карантина! Мужчины и женщины ищут себе пару на 14 дней и дарят друг другу «карантинки»* — пародируются увеселительные мероприятия ко Дню святого Валентина, и даже представлен окказионализм «карантинки», созданный по аналогии с ва-

лентинками. Отсутствие веры в то, что карантин скоро закончится, продемонстрирован в тексте *В последний день карантина нужно обязательно устроить выпускной, на который мы выползем из своих нор ночью и будем обниматься, пить вино и танцевать под яркой июльской луной 2025 года...* Скептическое отношение людей к информации о коронавирусе делает их недоверчивыми к любым прогнозам и приводит к выводу, что финал может быть затяжным.

Безусловно, некоторые примеры актуального фольклора потенциально могут функционировать в разных концептуальных группах. Например, такие тексты, как *Посоветуйте, куда сходить в квартире. А то я уже вроде все видел* и *Не забывайте находясь на карантине время от времени примерять джинсы. Пижама коварны*. Здесь мы видим одновременное сопричастие групп «быть дома» и «вопросы, советы на форуме». В целом к таким единицам относится около 5 % исследуемого материала.

Примеры актуального фольклора непосредственно со словом «карантин» насчитывают всего 1,2 %, что свидетельствует о широком распространении фоновых знаний относительно данного социального мероприятия, и потому исключает необходимость постоянного употребления данной лексемы. В юмористических советах и прогнозах, таких как: *Надо было не перебирать и выходить замуж до карантина; Карантин покажет кто есть кто: отрастут некрашенные корни, выпадут накладные ресницы, облупится гель-лак. Страшные последствия! Страшные!* — присутствует концептуальный признак заботы о себе в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах: высмеивается неподготовленность человека к резко изменившимся условиям жизни, а также неспособность скорректировать свой пищевой режим.

В концептуальное поле «карантин» входят разные субконцепты, среди которых наиболее частотными оказались «маска», «имбирь», «самоизоляция». К критериям субконцептности мы относим более низкий процент употребления в текстах и хронологическую производность от уже обсуждаемого в сети концепта 'карантин'.

Рассмотрим субконцепт «маска». Он занимает ведущее место среди субконцептов с показателем 4,2 %. В семантическом плане данный субконцепт реализует значение своей ненужности и абсурдности социальных норм, принуждающих к его использованию. Например: *Выносила мусор в маске, с собакой на поводке. Все равно оштрафовали. Сказали, что без трусов на улицу нельзя*. В данном тексте утрируется важность маски как ежедневного элемента одежды человека. Или: *Где мне купить маску? А то без маски купить маску не пускают* — концептуализируется признак непродуманности административных действий по урегулированию

потребительских нужд населения. Парадоксальность ситуации с масками создает комический эффект в следующем примере: *Вот жизнь, с*ка! Приедешь в банк без маски — выгонят, приедешь в маске — застрелят!* На разницу между масками — медицинской и лыжной, «грабительской» — не указывается в тексте, однако она присутствует в пресуппозиции, что обеспечивает наличие антитезисного смысла данного утверждения.

Автор высказывания: *12 апреля 1961 года — первый полет человека в космос! 12 апреля 2020 — мастерим маски из трусов* — акцентирует внимание читателя на прекращении технического прогресса вопреки наращиванию технического потенциала человечества. Профанируются все далеко идущие планы (в частности, по завоеванию космоса) в связи с тем, что человеку сказали заботиться о собственном выживании. В данном примере высмеивается навязываемый обществу способ выживания, который в научном плане совершенно не обоснован.

Некоторая мизантропичность присутствует в следующем тексте: *Вижу у многих селфи в маске. Некоторым так даже лучше.* Концептуальным признаком здесь выступает принятие феномена маски как атрибута внешнего вида — с ней даже делают селфи для социальной сети.

В жанре детского стихотворения зафиксирована мораль весны 2020 года — надо соблюдать нормы социальной защиты для преодоления болезни, что и является концептуальным признаком данной языковой единицы:

*Вышел зайчик на крыльцо
И не трогает лицо.
Зайчик теперь в масочке,
Чтоб дожить до Пасочки.*

Актуальный фольклор создается в жанре анекдота:

- *Давид Маркович, а шо ви без маски, когда кругом коронавирус?*
- *И шо ви думаете, если я надену маску, он таки меня не узнает?*

В данном примере также реализуется концептуальный признак ненужности маски в борьбе с распространением вируса.

Субконцепт «имбирь» появился в текстах интернет-фольклора не сразу. Его актуальность оказалась связанной с заявлением одной медийной личности (О. Торсунова) о пользе данного корнеплода для профилактики вирусных заболеваний. Это повлекло стремительное повышение цен на указанный продукт, что не могло не отобразиться в социальных сетях: *Сейчас всем уже пофигу, сколько стоит доллар и евро. Сейчас куда интереснее следить за курсом лимона и имбиря!* Или: *Уважаемые врачи, не вздумайте сказать, что в квашеной капусте в 10 раз больше витамина С, чем в некоторых цитрусовых! Хватит с нас цен на лимоны и им-*

бирь! Также нами зафиксировано использование лексемы в окказиональном словосочетании *имбирь головного мозга*, чтобы показать, насколько неадекватным может быть поведение людей, которые руководствуются чьими-то ненаучными утверждениями. Остроумие крымских жителей проявилось в псевдорекламном объявлении: *Сода лечит не хуже имбиря. Крымский содовый завод. На правах рекламы.*

Данные ассоциативного эксперимента, проведенного со студентами направления подготовки 45.03.01 Филология Института педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Армянске в мае 2020 года (около 200 опрошенных), указывают на то, что в большинстве случаев карантин ассоциируется с домом, едой и различного рода ограничениями. Это подтверждают и выводы настоящего исследования.

Итак, анализ отобранного материала засвидетельствовал, что категории «быть дома» и «вопросы, советы на форуме» репрезентируют следующие особенности концептуализации карантина: 1) неэффективность саморазвития и целеполагания в условиях длительной изоляции; 2) избыток времени; 3) повышенное употребление пищи; 4) воздержание от неверности в браке; 5) нагнетание негативной информации в СМИ; 6) адаптация к новым условиям и возможная экстраполяция их на дальнейшую жизнь вне карантина; 7) забота о собственном выживании перед страхом смерти.

Частотность появления фольклорных текстов с концептом *карантин* уменьшается с каждым днем. Это может быть связано с тем, что человеческая психика адаптировалась к новым условиям жизни и воспринимает их теперь не так остро; они утратили рецептивную новизну для говорящего.

«Карантин» в актуальном фольклоре — это синоним самоизоляции, его значение расширяет словарные дефиниции, поскольку карантинные мероприятия стали применяться даже по отношению к здоровым людям, не имевшим контакта с больными.

На концептуальном уровне прочитывается скука и нежелание себя организовывать; наряду с тоской по внешней жизни пришло понимание важности структуризации личного пространства каждого члена семьи. Находиться на самоизоляции оказалось своеобразным челленджем для современного человечества и тексты интернет-фольклора демонстрируют, что далеко не все могут с ним справиться успешно. Необходимо отметить, что данные умозаключения были выведены из комических текстов, форма которых снимает определенную трагичность выявленных концептуальных признаков.

Концепт 'карантин', по нашему мнению, присутствовал в сознании современного человека на абстрактном уровне, как незначительное явление, находящееся на периферии эмпирического опыта. События весны 2020 года обогатили содержание данного концепта чувственной стороной — увеличилось количество закрепленных за концептом признаков и появилась образная основа концепта, составляющая его ядро. На основе сказанного можно сделать вывод, что мы имеем дело с реверсивной концептуализацией, то есть процессом, протекающим от рационального, абстрактного к чувственно-образному.

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективным, на наш взгляд, является анализ особенностей концептуализации понятия карантин как в родственных (украинский, польский), так и неродственных (английский, немецкий и др.) языках.

Библиографический список

Архипова А. Зачем рассказывать анекдоты. От корпусного анализа к социологии фольклора // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX — начало XXI века): материалы XVI Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М., 2016.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5.

Большой толковый словарь. Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/карантин+>.

Бушуев А. Б. Русский фольклор в современном мультикультурном мире // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2.

Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретический и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. № 3.

Калистратова А.О некоторых особенностях современного фольклорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 1.

Кормильцева О.В. Научные подходы в определении сущности фольклора // KANT. 2011. № 3.

Мельникова О. Жанрово-видовая дифференциация языкового творчества в Интернете и Рунете // Казанский лингвистический журнал. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-vidovaya-differentsiatsiya-yazykovogo-tvorchestva-v-internete-i-runete>

Савченко А.В. Интернет-фольклор как возможность сетевой культурной самоидентификации // Connect Universum. 2012. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum_2012_ru/22.html.

Суслова Т. Интернет-фольклор как средство коммуникации // Журналистский ежегодник. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-folklor-kak-sredstvo-kommunikatsii>

Толстой Л.Н. Былины. М., 1984.

References

Arhipova A. *Zachem rasskazyvat' anekdoty. Ot korpusnogo analiza k sociologii fol'klora*. [Why tell jokes. From corpus analysis to the sociology of folklore]. In: *Metody i koncepcii v fol'kloristike i kul'turnoj antropologii (konets XX — nachalo XXI veka)*. [Methods and concepts in folklore and cultural anthropology (late XX — early XXI century)]. Proceedings of the XVI International school-conference on folklore, sociolinguistics and cultural anthropology. Moscow, 2016.

Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. Moscow, 1997. T. 5.

Bol'shoj tolkovyj slovar' [Large explanatory dictionary. Gramota.ru]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/karantin>.

Bushuev A.B. *Russkij fol'klor v sovremennom mul'tikul'turnom mire*. [Russian folklore in a multicultural world]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Buryat state University. Language. Literature. Culture]. 2018. Iss. 2.

Kovshova M.L. *Yazykovaya i kul'turnaya specifika frazeologicheskogo znaka: teoreticheskij i metodologicheskie osnovy issledovaniya*. [Linguistic and cultural peculiarities of the phraseological sign: theoretical and methodological basis for research]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2006. No 3.

Kalistratova A. *O nekotoryh osobennostyah sovremennogo fol'klornogo diskursa*. [On some features of modern folklore discourse]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of the Irkutsk state linguistic University]. 2012. No 1.

Kormil'ceva O.V. *Nauchnye podhody v opredelenii sushchnosti fol'klora*. [Scientific approaches to determining the nature of folklore]. In: *KANT*. [KANT]. 2011. No 3.

Mel'nikova O. *Zhanrovo-vidovaya differenciaciya yazykovogo tvorchestva v Internete i Runete*. [Genre and generic differentiation of language creativity on the internet and runet]. In: *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. [Kazan linguistic journal]. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-vidovaya-differentsiatsiya-yazykovogo-tvorchestva-v-internete-i-runete>

Savchenko A.V. *Internet-fol'klor kak vozmozhnost' setevoj kul'turnoj samoidentifikacii*. [Internet-folklore as the opportunity of network cultural self-identification]. In: *Connect Universum*. 2012. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum_2012_ru/22.html.

Suslova T. *Internet-fol'klor kak sredstvo kommunikacii*. [Internet folklore as a means of communication]. In: *Zhurnalistiskij ezhegodnik*. [Journalistic Yearbook]. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-folklor-kak-sredstvo-kommunikatsii>

Tolstoj L.N. *Byliny*. [Bylinas]. Mosow, 1984.